

Ушамировский Алексей Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета Волжского
института экономики, педагогики и права

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ

Аннотация:

Рассматривается проблема восприятия современными молодыми людьми в России социальных конфликтов, участия в них и выбора стратегии конфликтного поведения. На основании комплекса эмпирических социологических исследований доказываем, что для современной российской молодежи характерно в целом позитивное отношение к возможности участия в конфликтах. При этом главным внутренним фактором, детерминирующим восприятие конфликта, является уровень образования и – в более широком плане – уровень интеллектуального развития. Для молодых людей типичен перенос основных конфликтов на микроуровень, в свое семейно-родственное или соседское окружение. В качестве основных поводов для конфликтных взаимодействий молодежь рассматривает противоположность убеждений и защиту своих прав. В процессе самого конфликта молодежь чаще всего предпочитает ориентироваться на реализацию стратегии договоренностей. Все другие стратегии (уклонение от конфликта, уступки и противоборство) получают поддержку относительно незначительной доли молодых людей. На основе эмпирических данных сделан вывод, что современный молодой человек в конфликте в значительной степени автономен, предоставлен самому себе.

Ключевые слова:

молодежь, социальный конфликт, ценности, социальная норма, доверие.

Ushamirsky Alexei Eduardovich

PhD in Law, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Law, Volga
Institute of Economics, Pedagogy and Law

SOCIAL CONFLICTS AS VIEWED BY YOUTH

Summary:

The paper addresses the problem of perception of social conflicts by modern young people in Russia, their participation in such conflicts and the choice of strategy of conflict behavior. With a set of empirical sociological studies, the author shows that modern Russian youth is characterized by a generally positive attitude to the possibility of participation in conflicts. At the same time, the main internal factor determining the perception of conflict is the level of education and, more broadly, the level of intellectual development. It is typical for young people to transfer the main conflicts to the micro level, to the level of their families and relatives or neighbors. Young people consider the opposing beliefs and protection of their rights as the main reasons for conflict interactions. In the process of the conflict itself, young people most often prefer to focus on the implementation of the strategy of accommodation. All other strategies (conflict avoidance, concession, and confrontation) are supported by a relatively small proportion of young people. Based on the empirical data, it is concluded that the modern young person is largely autonomous and left to him or herself in the situation of conflict.

Keywords:

youth, social conflict, values, social norms, trust.

Развитие современной России, несмотря на кажущуюся стабильность, представляет собой потенциально конфликтный процесс. Значительный конфликтный потенциал российского социума определяется как внутренними противоречиями (высокий уровень социального расслоения, усиление поликультурности социума вследствие активной миграции, неадекватность системы управления вызовам времени), так и внешними факторами, связанными с деструктивным воздействием на него транснациональных и инациональных элит, претендующих на контролируемые Российской Федерацией ресурсы. В сложившейся ситуации сохраняется постоянная возможность актуализации латентных конфликтов, превращения их в открытое противостояние с весьма неоднозначными последствиями – для страны, различных социальных групп и отдельных граждан.

Связанные с конфликтами негативные социальные риски весьма высоки. Особенно если принять во внимание крайне низкий уровень конфликтологической культуры большинства населения и – соответственно – способности граждан выстраивать рационально обоснованную, продуктивную и конструктивную, с позиций общества, стратегию поведения в конфликтах. Конфликтологическая культура в данном случае рассматривается как сформированность не только конкретных знаний и практических умений, но и иных специфических способностей личности, являющихся основой для лучшего понимания других и самого себя, для самосовершенствования, самореализации, благодаря конструктивному решению проблем межличностного взаимодействия [1, с. 79].

Предпосылкой формирования конфликтологической культуры служит комплекс представлений человека о феномене конфликта и стратегии поведения в нем личности, группы или организации. Поэтому постановка задачи формирования конфликтологической культуры или, по меньшей мере, обучения людей навыкам конфликтного менеджмента обязательно предполагает

диагностику уже сложившихся представлений о конфликтах. Подобная диагностика должна осуществляться постоянно в силу высокой неустойчивости паттернов массового сознания, развитие которого представляет собой диссипативный процесс, детерминированный комплексом случайных аттракторов. Не менее важно и то, чтобы результаты диагностики получали адекватную интерпретацию, позволяющую компенсировать неизбежные недостатки процедур социальных измерений в нестабильной среде, характеризующейся высоким уровнем манипулятивного воздействия электронных СМИ и социальных сетей на человека.

Особое значение в данной связи приобретает диагностика представлений о социальных конфликтах, сложившихся у молодежи, поскольку в перспективе именно ее представителям предстоит разрешать их в ближайшей и долгосрочной перспективе. Подобная диагностика время от времени осуществляется различными научно-аналитическими центрами и отдельными исследователями [2], однако сложный комплекс возникающих в данной связи проблем не делает любую новую информацию избыточной, более того, позволяет выявлять новые нюансы в конфликтологических диспозициях субъектов.

Мы попытались проанализировать особенности отношения молодых людей к социальным конфликтам в ходе ряда исследований. Среди них: «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014), проведенное в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса молодежи (n = 1500) и работников органов государственного и муниципального управления, СМИ, руководителей общественных организаций, депутатов различных уровней (n = 500); «Стратегии поведения студенческой молодежи в конфликтах» (n = 510), проведенное в 2015 г. в Волгоградской области; «Интересы современной молодежи», проведенное в Волгоградской области в 2016 г. методами анкетирования молодежи (n = 501) и глубинного интервью молодежи (n = 30) и специалистов, работающих с молодежью (n = 25).

В ходе исследования выяснилось, что для большинства молодежи социальный конфликт не представляет собой общественной аномалии. Так, в ходе опроса, проведенного в 2014 г., 32,80 % респондентов этой группы подтвердили, что для них конфликт представляет собой вполне нормальное явление. 34,53 % согласились с мнением, что восприятие конфликта зависит от его содержания. Нежелательными конфликты признали только 25,47 % опрошенных. В 2016 г. ситуация принципиально не изменилась. Правда, несколько уменьшилась доля тех, кто считает конфликт нормальным явлением, и увеличилась доля сторонников ситуативного подхода (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы относитесь к конфликтам?», %

Вариант ответа	2014	2016
Это нормальное явление	32,80	26,0
Конфликты нежелательны, их следует избегать любой ценой	25,47	28,6
Все зависит от содержания конфликта	34,53	40,0
Затрудняюсь ответить	5,20	5,0
Другое	1,07	0,4
Не ответили	0,93	–

Фактически молодые люди (по-видимому, в большинстве случаев чисто интуитивно) разделяют позицию Л. Козера, который настоятельно подчеркивал, что «конфликт не всегда дисфункционален для отношений, внутри которых он происходит; часто конфликт необходим для достижения связей внутри системы» [3, р. 48].

Восприятие конфликтов как вполне нормального явления меняется в зависимости от пола, возраста и образования молодых людей. Чаще всего конфликты в 2014 г. воспринимали как нормальное явление респонденты-мужчины (36,84 %), принадлежащие к возрастной когорте 19–24-летних (39,26 %); имеющие высшее образование (36,96 %), проживающие в городах.

На основании полученных результатов мы полагаем, что главным внутренним фактором, детерминирующим восприятие конфликта, является уровень образования и – в более широком плане – уровень интеллектуального развития. Не случайно конфликт рассматривается в качестве довольно обыденного явления молодыми людьми, которые либо обучаются в вузах и ссузах, либо уже окончили их. Правда, с возрастом прослеживается некоторое увеличение доли негативных оценок социального конфликта. Среди 25–29-летних молодых людей его оценивают как вполне нормальное явление только 28,15 % респондентов. Но, скорее всего, это является реакцией на увеличение числа конфликтных ситуаций, в которые оказываются вовлеченными работающие молодые люди, сложность предметов конфликта и не всегда удовлетворительное его решение.

Мы полагаем, что в специфике восприятия феномена конфликта российской молодежью отражаются особенности жизнедеятельности этой возрастной когорты, представители которой

довольно успешно адаптируются к ситуациям нестабильности. Они рассматриваются большинством молодых людей как вполне естественные, в чем-то желательные, поскольку позволяют дать выход эмоциям и даже агрессии. Довольно показательно в данной связи, что из 30 молодых людей, принявших участие в глубинном интервью (2016), 22 человека заявили о высоком уровне конфликтности своих сверстников. При этом перечень причин конфликтности был крайне широк. В частности, типичными оказались их следующие формулировки:

- а) «нет работы, плохое настроение и раздражительность»;
- б) «разница убеждений, ценностей, вкусов, религиозный мотив»;
- в) «нестабильность, социальное неравенство»;
- г) «разные взгляды на жизнь».

Многообразие названных причин дает основание полагать, что практически любое социальное явление сегодня может восприниматься молодыми людьми если не как причина, то по меньшей мере как повод для конфликтов. Более того, молодые люди, скорее всего, склонны искусственно умножать число источников конфликтов, оправдывая тем самым свое включение в ситуации противоборства.

Все проведенные нами исследования подтвердили, что основные конфликты с участием молодежи происходят на уровне семейно-родственного окружения и сверстников. В частности, в процессе исследования 2014 г. выяснилось: наиболее часто молодые люди вступают в них с членами своей семьи (50,40 % ежедневно или как минимум один-два раза в месяц) и со сверстниками (41,35 %). С соседями такая частота конфликтов характерна для 18,80 % респондентов; с коллегами по работе или учебе – для 27,27 %; с руководителями – для 21,67 %; с посторонними людьми – для 21,00 %; с представителями власти – для 10,94 %; с работниками правоохранительных органов – для 10,53 %. Показатели оставались относительно стабильными и в 2015 г. В частности, опрос показал, что 46,18 % молодых людей ежедневно или по меньшей мере один-два раза в месяц конфликтовали с членами своей семьи.

Следовательно, конфликт сосредоточен, как правило, на микроуровне, что довольно релевантно интенции интересов и активности молодежи. Эти интересы для большей части молодых людей все чаще реализуются преимущественно в пределах короткой социальной дистанции, не «захватывая» масштабных проблем. Весьма примечательно, что частота семейных конфликтов наиболее высока среди когорты 14–18-летних (конфликтуют ежедневно или хотя бы один-два раза в месяц 57,50 %), частота конфликтов со сверстниками – среди 19–24-летних молодых людей (46,52 %).

В первом случае молодые люди еще «привязаны» к родительской семье, хотя она постепенно и утрачивает для них характер приоритетной ценности. Во втором они, как правило, включены в учебные коллективы, поскольку абсолютное большинство российских юношей и девушек обучаются в образовательных учреждениях.

Следовательно, конфликтное взаимодействие происходит преимущественно в той среде, в которой наиболее высока частота общения молодых людей со своими референтами. При этом конфликт осуществляется интенсивнее, если он принимает неформальный характер, и заметно затухает, когда формализуется. Там, где взаимодействие менее насыщено, конфликты возникают значительно реже. Скорее всего, это означает, что конфликтный потенциал молодежи достаточно стабилен и если он не реализован, то обычно в силу двух причин: эпизодичности взаимодействия и наличия формальных правил, которые молодые люди все же склонны соблюдать, демонстрируя, вопреки традиционным представлениям о неконформизме юношества, сравнительно высокий уровень адаптации к социальной системе.

Молодежь, что подтверждают различные исследования, в большинстве своем ориентирована на стабильность общественного устройства. Она рассматривается в качестве условия достижения жизненного успеха. М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги отмечают, что в молодежном сознании «явно доминирует суждение о предпочтении стабильности и эволюционного развития над быстрыми революционными изменениями» [4, с. 96].

Установка на стабильность отражается и в структуре ценностных ориентаций молодых людей. Довольно парадоксально, но они не в меньшей степени, чем у взрослых, носят явно выраженный консервативный характер. Исследователи и публицисты еще десять лет назад отмечали, что «российская молодежь демонстрирует высокую значимость таких ценностей, как Россия, Родина, Порядок, Безопасность, Стабильность, Справедливость, Сильное государство, Традиция, законность, Патриотизм, Президент» [5, с. 110].

В этой связи можно предположить, что большинство молодых людей (осознанно или бессознательно) придерживаются довольно типичной для российской культурной традиции точки зрения (и вполне адекватной для отечественной ситуации в прошлом и настоящем, но проблематичной в исторической перспективе), в соответствии с которой устойчивость и стабильность

в максимальной степени гарантируют формальные структуры. Поэтому конфликты в формальном пространстве нецелесообразны и даже вредны.

Показательно, что с коллегами (то есть с членами коллектива, функционирование которого максимально регламентировано), как показало исследование 2014 г., часто конфликтуют только 27,27 % молодых людей, хотя постоянно общаются с ними. При этом частота конфликтов в данном случае мало зависит от возраста (для 14–18-летних показатель частого участия в конфликтах составляет 24,44 %; для 19–24-летних – 29,30 %; для 25–29-летних – 26,32 %. Небольшой рост показателя в средней возрастной когорте, скорее всего, связан с тем, что в ней представлена в основном молодежь, обучающаяся в профессиональных образовательных учреждениях, где межличностные контакты хотя и интенсивны, но относительно (например, по сравнению со школой) мягко регламентированы. Это подтверждается и тем, что частота конфликтов с коллегами у школьников составляет 21,43 %, в то время как у студентов 27,17 %. В то же время частота конфликтов со сверстниками у представителей этих групп вообще практически одинакова (соответственно 46,67 и 45,51 %).

Таким образом, мы имеем основания полагать, что, ориентируясь на адаптацию к существующей социальной системе, молодые люди в формальной среде чаще всего сознательно отказываются от конфликтов. Потребность в противостоянии с другими, обусловленная как спецификой возраста, так и противоположностью интересов и целей, реализуется ими в группах, где формальная регламентация либо незначительна (сверстники), либо может не соблюдаться в силу личного статуса. Последнее характерно для семьи, в которой дети, воспринимаемые в качестве ее центра, предмета особой заботы, традиционно имеют возможность заявлять о своих интересах и настаивать на их реализации.

Смещение конфликтов в сферу семейно-родственных отношений и неформального взаимодействия между сверстниками имеет весьма серьезные последствия для молодежи. Именно на этом уровне формируется социальный капитал личности, представляющий, согласно Э. Гидденсу, совокупность интегративных ресурсов, способностей индивидов к взаимодействию, значительно расширяющих их возможности действовать в рамках правил и норм [6].

Частые конфликты минимизируют возможности формирования и использования социального капитала, в том числе и потому, что снижают уровень межличностного доверия, которое, как полагал Т. Парсонс, является ожиданием взаимности в осуществлении каких-либо действий, и воспроизводство социальных отношений возможно только тогда, когда взаимодействие между отдельными членами не требует предоставления гарантий как обязательного условия этого обмена [7, с. 21].

Дефицит доверия создает серьезные препятствия для социализации молодежи, предполагающей усвоение ее представителями норм и ценностей, легитимированных в конкретном обществе. Эти ценности и нормы во многих случаях задаются именно в ходе коммуникации с референтами. И вполне естественно, что нормы и ценности, предлагаемые контрагентами, к которым молодой человек настроен настороженно или даже враждебно, либо не усваиваются вовсе, либо воспринимаются в деформированном виде.

Для анализа восприятия молодежью конфликтов представляет интерес распределение ответов респондентов на вопрос, по поводу чего они чаще всего возникают (таблица 2). Наиболее распространенными поводами для молодежных конфликтов являются противоположность убеждений (46,07 %), борьба за справедливость (40,13 %) и защита прав (32,67 %). Реже всего молодежь вступает в конфликты в связи с необходимостью защиты чести и достоинства (11,93 %). При этом структура поводов для конфликтов в представлениях молодежи по многим параметрам отличается от той, что характерна для взрослого населения. Для последнего, в частности, важную роль играет именно защита чести и достоинства (41,80 %). В то же время борьба за справедливость побуждает к конфликтам лишь 19,35 % респондентов данной группы, противоположность убеждений – только 22,92 %.

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «По поводу чего чаще возникают конфликты?» (2014), %

Вариант ответа	Все население	Молодежь	Эксперты (предмет конфликтов в молодежной среде)
1	2	3	4
Владение собственностью	15,26	15,33	24,44
Распределение ресурсов	11,49	19,87	26,00
Защита прав	42,07	32,67	41,20
Распределение ролей	13,58	19,73	18,80
Противоположность убеждений	22,92	46,07	43,23
Защита чести и достоинства	41,80	11,93	26,67
Борьба за справедливость	19,35	40,13	24,40

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4
Защита слабых	13,71	17,00	12,00
Отстаивание идеалов	4,70	18,67	6,14
Затрудняюсь ответить	0,20	5,53	–
Другое	0,14	0,51	–
Не ответили	0,74	0,60	–

Распределение ответов показывает, что почти половина молодых людей в качестве основного повода для конфликтов рассматривает противоположность убеждений, на втором месте по значимости стоит защита прав. Но, обращая внимание на главный повод, следует понять, что молодые люди понимают под убеждениями. Было бы, на наш взгляд, ошибкой трактовать их как некоторые идеологические позиции. Современная молодежь в своем большинстве далека от идеологии, весьма прагматична [8], и, как уже отмечалось, ее интересы редко выходят за пределы повседневности. Мы полагаем, что, рассматривая убеждения в качестве источника конфликтов, молодые люди имеют в виду преимущественно противоположность взглядов на житейские проблемы, существенные различия в стиле жизни. В свою очередь, отмечая таким источником защиту прав, молодые люди фактически указывают, что их референты не разделяют этих взглядов, не поощряют специфический молодежный стиль жизнедеятельности.

Нелишним будет отметить, что по многим позициям мнение молодежи заметно отличается не только от мнения всего населения, но и экспертов. Так, эксперты явно недооценивают в качестве предмета конфликтов борьбу за справедливость, защиту слабых. В то же время переоценивают значение мотивов защиты чести и достоинства, защиты прав и владения собственностью. Можно предположить, что в настоящее время весьма многие специалисты, занятые в том или ином качестве в системе социального управления, не имеют ясного представления о диспозиции молодых людей в отношении конфликтов по меньшей мере о предметах, которые инициируют в молодежной среде конфликтное противостояние. И, скорее всего, такое предположение является правильным.

По данным исследования 2014 г., молодые люди, воспринимая конфликт как вполне естественное явление, предполагающее позитивное или ситуативное отношение к нему, выстраивают свою стратегию преимущественно с ориентацией на договоренности (стратегия компромисса) – 49,80 % (таблица 3).

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чаще всего в ходе конфликта Вы стараетесь...»

Вариант ответа	Количество	
	чел.	%
Любой ценой добиться своего	362	24,13
Договориться	747	49,80
Идти на уступки	165	11,00
Избежать открытого противостояния	145	9,67
Затрудняюсь ответить	52	3,47
Другое	29	1,94
Всего	1500	100,00

Все другие стратегии получили значительно меньшую поддержку. В частности, стратегия уклонения от конфликта – 9,67 % (вариант ответа «избежать противостояния»); стратегия уступок – 11,00 % (вариант «идти на уступки»); стратегия противоборства – 24,13 % (вариант «любой ценой добиться своего»).

Довольно естественно, что наиболее отчетливо стремление к компромиссу выражено в старшей возрастной когорте (25–29 лет). Эту стратегию предпочитают 58,81 % респондентов этой группы; в когорте 14–18 лет ее реализуют 46,67 %, 19–24 года – 45,80 %. Представители старшей возрастной когорты наиболее склонны идти на уступки (14,42 %). В младших возрастных когортах эти показатели составляют соответственно 11,39 % (14–18 лет) и 8,6 % (19–24 года).

Скорее всего, склонность к компромиссам проявляется по мере накопления опыта, постепенно приходящего понимания, что открытое противостояние – не самый лучший способ достижения своих целей.

Примечательно, что юноши чаще выбирают стратегию открытого противоборства (27,92 % по сравнению с 20,96 % у девушек). И объясняется это, возможно, тем, что юноши в большей степени ориентированы на внешние показатели успеха, чаще рассматривают свою жизнь как постоянную конкуренцию с себе подобными, но значительно реже считают, что выигрывают в этой конкуренции. Показательно в данной связи, что юноши значительно ниже, чем девушки, оценивают

свое положение в сравнении с окружающими (8,9 % – значительно ниже, 13,30 % – немного ниже; у девушек соответствующие показатели составляют 3,80 и 9,80 %). Не случайно 7,75 % юношей постоянно завидуют своим сверстникам, в то время как среди девушек это делают только 4,66 %.

Выбор стратегии компромисса в конфликте практически не зависит от образования. Но этот фактор оказывает заметное влияние на выбор стратегии противоборства. Среди молодых людей с высшим образованием 26,45 % респондентов в конфликтном противостоянии пытаются любой ценой добиться победы; среди тех, кто имеет среднее и незаконченное среднее образование, – только 18,22 %.

61,80 % респондентов в 2014 г. утверждали, что в ходе конфликта им обычно удается достичь своих целей. Однозначно отрицательно ответили на этот вопрос только 8,67 %. При этом чаще всего своих целей в конфликте добиваются мужчины (63,54 %), чем женщины (60,30 %), молодые люди в возрасте 19–24 года (66,15 %); среди младшей когорты этот показатель составляет 60,56 %, среди старшей – лишь 55,84 %).

Исследование показало, что на степень целедостижения в конфликте также заметно влияет фактор образования. Среди молодых людей с высшим и незаконченным высшим образованием своих целей удается достичь 67,99 % респондентов, среди тех, кто имеет среднее и незаконченное среднее образование, – только 54,36 %.

Таким образом, можно с достаточно высокой степенью уверенности утверждать, что уровень общего развития личности молодых людей (а образование, несмотря на все издержки его организации в современной России, все же пока его повышает) в большинстве случаев стимулирует их участие в конфликтах. При этом увеличивает возможности реализации стратегии противоборства, в результате которой сторона конфликта обычно получает возможность удовлетворить свои притязания. И именно такой исход наиболее комплементарен типичной диспозиции личности современного молодого человека, максимально точную характеристику которой дал в свое время А.И. Шендрик: «В моральном плане он сдержанно агрессивен. Ему свойственна определенная доля жестокости, которая, с его точки зрения, является вполне оправданной, ибо он твердо уверовал в то, что «человек человеку – волк» и что каждая оказываемая ему услуга или одолжение определяется интересом того человека, который ее оказывает. Он не верит, что добрые дела делаются бескорыстно, в силу морального долга, веления совести. Последняя для него является абстракцией. Он предпочитает говорить о порядочности, которую понимает как пунктуальность взятых на себя обязательств, но при условии, что ему будут платить той же «монетой». При решении возникающих проблем он рассчитывает только на себя, считая, что большинство людей занято только собой и надеяться на их помощь – значит быть утопистом» [9, с. 55]. Этот «тип личности является порождением иной культуры, во многом отличающейся по своим ценностям, направленности, способам культурно-творческой деятельности, формам бытия индивида от той культуры, которая была сформирована русской нацией в процессе ее исторического развития» [10, с. 57].

Выбирая в конфликте стратегию противоборства – и довольно регулярно достигая желаемого, что отметили 87,29 % респондентов в 2014 г., – молодые люди в большинстве случаев получают позитивное подкрепление своего выбора. Логика такого выбора закрепляется в качестве постоянной стратегии поведения личности в конфликте. Тем более что она укладывается в общую жизненную стратегию, которая в молодежной среде довольно часто выстраивается с учетом только собственной позиции, мало учитывает или не совсем учитывает интересы других.

Проведенное нами в 2016 г. исследование «Интересы современной молодежи», в частности, показало, что в отношении организации повседневной жизни молодежь делится на три неравные группы.

Самую массовую среди них можно определить как *последовательных эгоистов*. Они исходят из того, что в жизни надо всегда отстаивать свою позицию, даже если она ведет к конфликтам, заставлять других считаться с собой либо вообще не обращать внимания на окружающих. Согласно эмпирическим данным, эти принципы разделяют в общей сложности 44,12 %. Вторая группа – *сторонники компромисса* (24,55 % молодых людей), которые полагают, что с другими людьми всегда надо уметь договариваться. Третья – *прагматичные адаптанты* (14,17 %), чей принцип гласит: «Надо уметь приспособиться к любым условиям и использовать их в своих интересах» (таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов молодежи на вопрос: «Какой принцип организации повседневной жизни Вам представляется оптимальным?»

Вариант ответа	Количество	
	чел.	%
1	2	3
Надо уметь приспособиться к любым условиям и использовать их в своих интересах	71	14,17
Надо всегда отстаивать свою позицию, даже если это ведет к конфликтам	80	15,97

Продолжение таблицы 4

1	2	3
Надо не обращать внимания на обстоятельства и идти своей дорогой	123	24,55
Надо уметь договариваться с людьми, даже если не принимаешь их позиции	107	21,36
Надо всегда уважать принятые в обществе нормы и ценности и ни в коем случае их не нарушать	93	18,56
Надо в любом случае заставить других считаться с собой	18	3,59
Затрудняюсь ответить	6	1,20
Не ответили	3	0,60
Всего	501	100,00

Последовательные эгоисты представлены преимущественно среди представителей старшей возрастной когорты (48,74 %), практически в равной степени среди мужчин и женщин.

Сторонники компромисса незначительно преобладают среди женщин (22,63 % против 19,75 % среди мужчин). Их больше всего среди представителей средней возрастной когорты (24,89 %; в младшей и старшей соответственно 15,49 и 17,72 %). К компромиссу менее всего склонны молодые люди с высшим и незаконченным высшим образованием 18,88 %, в то время как среди респондентов со средним и незаконченным средним образованием их доля составляет 23,81 %, со средним специальным – 21,84 %.

Прагматичные адаптанты преобладают среди мужчин (16,46 % против 12,35 % у женщин). Их больше всего в старшей и средней возрастных когортах (соответственно 15,19 и 15,11 % против 11,27 % – в младшей).

Последовательный социальный эгоизм, который, согласно приведенному суждению А.И. Шендрика, является порождением современной культуры и постоянно подпитывается ею преимущественно через электронные СМИ, приводит к тому, что молодые люди недостаточно учитывают в повседневной жизни позицию окружающих. Это довольно серьезная характеристика их поведения, затрагивающая фундаментальные основания существования личности, действия которой, если следовать М. Веберу, становятся социальными, когда учитывают реакцию окружающей среды (М. Вебер подчеркивал: «Социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других») [11, с. 626]. Но если человек отказывается от такого учета, он постепенно утрачивает качество социальности, приближаясь по своим характеристикам к животному, что, очевидно, и следует констатировать в отношении некоторых молодых людей, социальность которых весьма условна. При этом, очевидно, надо признать, что с человеком, теряющим качество социальности, практически невозможно или весьма трудно вести рациональный диалог, рассчитывая на понимание. А перспективы базирующегося на рациональных основаниях урегулирования конфликта с ними становятся практически ничтожными.

Последовательный эгоизм проявляется у большинства молодых людей преимущественно на близкой социальной дистанции. И, что особенно существенно, довольно часто ему сопутствует отказ следовать социальным нормам во взаимоотношении с референтным окружением. При этом такой отказ получает свою мотивацию.

Наиболее значимыми основаниями для нарушения социальных норм молодые люди (как показало исследование «Интересы современной молодежи», проведенное в 2016 г.) считают противоречие существующих норм личным принципам (23,25 %), специфику ситуации (18,76 %), наличие угрозы жизни людей (14,77 %) и угрозу личным интересам (14,77 %) (таблица 5).

Таблица 5 – Распределение ответов молодежи на вопрос: «В каких случаях можно нарушать правила социальных норм?»

Вариант ответа	Количество	
	чел.	%
Если не уверен в их правильности	50	9,98
Если это вредит личным интересам	74	14,77
Все зависит от ситуации	94	18,76
Если они противоречат вашим принципам	116	23,15
Если существует угроза жизни людей	89	17,76
Если можно избежать ответственности	43	8,58
Сила воли	34	6,79
Нельзя нарушать	1	0,20
Всего	501	100,00

Среди всех указанных оснований только два связаны с внешними обстоятельствами – специфика ситуации и угроза жизни людей. Все остальные лежат в плоскости личных интенций субъекта социального действия.

Полученные результаты, как нам представляется, важны в нескольких отношениях. Во-первых, подтверждая постепенную утрату качества социальности молодыми людьми, они обозначают наличие серьезной угрозы, которая лежит в сфере индивидуального развития и которая, вероятно, не ощущается большинством субъектов. Во-вторых, утрата качества социальности начинается с отказа от авторитетов в локальном социальном пространстве (семья, соседи, родственники) и несоблюдения норм морали. Молодых людей в какой-то мере в ходе реализации конфликтных стратегий в целом еще удерживают правовые нормы, но их влияние далеко не абсолютно. В-третьих, на основании полученных данных можно предположить, что современная система высшего образования не только стимулирует процесс социализации молодых людей, но и в определенной степени «десоциализирует» их.

Тем не менее «десоциализация» молодежи в настоящее время может рассматриваться пока лишь как тенденция, опасная, но не захватившая большую часть молодых людей (исследование 2016 г. показало, что 54,47 % молодых людей намерены в любых случаях соблюдать нормы морали, 64,47 % – закон). Их поведение в конфликтах все же в большей степени детерминировано рационально фундированным эгоизмом. Однако при сохранении сложившейся социокультурной среды данная тенденция может привести к катастрофическим последствиям.

Таким образом, исследования дают основание утверждать, что в конфликте современный молодой человек в значительной степени автономен, предоставлен самому себе. Подобная автономность проявляется чаще среди молодых людей с высоким образовательным уровнем, основной круг общения которых составляют, как правило, равные им по статусу референты. В данной связи мы полагаем, что именно в интеллектуальной и «квазиинтеллектуальной» среде преимущественно формируются и реализуются конфликтные стратегии. Реализация этих стратегий осуществляется не только на фоне отчуждения референтной среды, но и низкого уровня рефлексии своего «конфликтологического опыта».

Ссылки:

1. ЩербакOVA О.И. Формирование и развитие понятия «конфликтологическая культура личности» в теории и практике современной конфликтологии // Проблемы современного естествознания. 2010. № 2. С. 78–83.
2. Черкасова Т.В. Управление конфликтами молодежи как социальная проблема : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2004. 357 с.
3. Coser L. The Function of Social Conflict. N. Y. ; L., 1964.
4. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010. 592 с.
5. Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии : монография / под ред. проф. В.П. Бабинцева. Белгород, 2007. 276 с.
6. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М., 2005. 528 с.
7. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. М., 1998. С. 21.
8. Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции. М., 1994. 172 с.
9. Шендрик А.И. Коллизии ценностного сознания российской молодежи в постперестроечный период // Ценностный мир современной молодежи: на пути к мировой интеграции : материалы международной научной конференции / под ред. И.М. Ильинского. М., 1994. С. 51–59.
10. Там же.
11. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 626.

References:

- Babintsev, VP (ed.) 2007, *Youth of the Russian Region: Spiritual Worlds and Life Strategies: a Monograph*, Belgorod, 276 p., (in Russian).
- Cherkasova, TV 2004, *Youth Conflict Management as a Social Problem*, D.Phil. thesis, Moscow, 357 p., (in Russian).
- Coser, L 1964, *The Function of Social Conflict*, New York, 188 p.
- Giddens, A 2005, *The Constitution of Society: an Essay on the Theory of Structuration*, 2nd ed., Moscow, 528 p., (in Russian).
- Gorshkov, MK & Sheregi, FE 2010, *Youth of Russia: Sociological Portrait*, Moscow, 592 p., (in Russian).
- Ilyinsky, IM (ed.) et al. 1994, *Value World of the Contemporary Youth: in the Way to the Global Integration*, Moscow, 172 p., (in Russian).
- Parsons, T 1998, *System of Modern Societies*, Moscow, p. 21, (in Russian).
- Shcherbakova, OI 2010, 'Formation and Development of the Notion of 'Conflictological Culture of a Personality' in the Theory and Practice in Contemporary Conflict Studies', *Problemy sovremennogo estestvoznaniya*, no. 2, pp. 78-83, (in Russian).
- Shendrik, AI 1994, 'Collisions of the Value Awareness of the Russian Youth in the Post-Perestroika Period', in IM Ilyinsky (ed.), *Value World of the Contemporary Youth: in the Way to the Global Integration*, Moscow, pp. 51-59, (in Russian).
- Weber, M 1990, *Selected Works*, Moscow, 626 p., (in Russian).

Редактор: Хорева Людмила Николаевна
Переводчик: Жбан Екатерина Сергеевна